

И рассказал следующее. В конце сентября он снова отправился за грибами, снова к своему «kozyрному» месту. Неподалеку от выхода тропы к железной дороге ему повстречались трое выходящих из леса парней, — видимо, грибников. На одном из них была болоньевая куртка, расцветкой напоминая ярко-красный путевский жилет дяди Стёпы. На миг шевельнулась смутная тревога, но дядя Стёпа поспешил отогнать её. «Нет, не

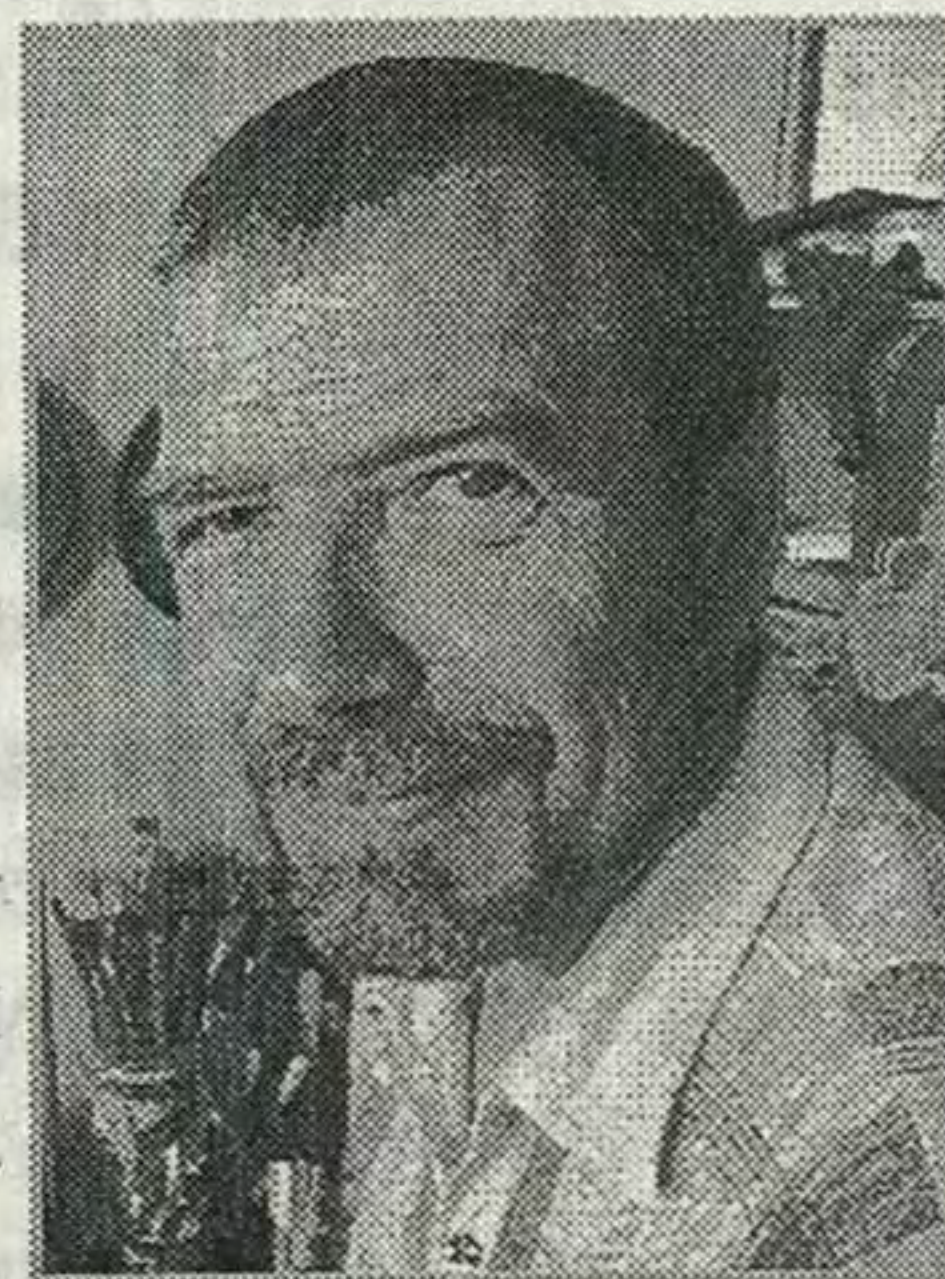
может быть...» И, к сожалению, ошибся: косуля к нему не вышла. Тогда он по периметру стал обходить берёзовую рощу и наткнулся на останки животного, разделанного несколько часов назад. По всей вероятности, той самой тройкой ребят, что ему повстречалась пару часов назад.

Обманутый красным цветом куртки, козлёнок простодушно шагнул навстречу своей гибели...

Павел НИКИТКИН

*выпускник БГПИ 1980 года,
член Союза российских писателей и Союза художников России*

От редакции. Мы рады опубликовать на страницах нашего альманаха рассказ юбиляра — замечательного «творца и человека» Павла Маркеловича Никиткина. Ему нынче — 60! Слово и глина одинаково послушны ему — как гармонь в привычных руках героя его рассказа — Ивана Берёзина. Умение извлечь «музыку» из сдержанных скупых слов и красок, без надрыва погрузиться в сокровенные глубины человеческой души, не претендуя, между тем, на познание её, сохраняя благоговение перед её несказанной тайной — вот то, что отличает почерк мастера. Пожелаем же ему творческой неуёмности, новых радостных открытий себя и мира!

Рассказ

САРАТОВСКИЕ СТРАДАНИЯ

Станиславу Демидову посвящается

В кабинет, где находились Станислав с Радием Степановичем, приоткрылась дверь, и в проёме возникли две совершенно одинаковые физиономии. Одинаковые ярко-рыжие вьющиеся волосы, одинаковые голубые глаза, одинаковые, словно выполненные по одному трафарету, конопущки на курносых лицах.

— Здравьте. Извините, — проговорила одна из них. — Здесь проходит конкурс гармонистов? Мы батю привезли.

Дверь распахнулась полностью, и на пороге вырисовались три фигуры. Две покрупнее и покруглее с уже знакомыми лицами, а третья, что посредине, имела формы угловатые и лицо пожилого чернявого мужчины.

— Проходите, присаживайтесь, — Радий Степанович, на правах хозяина кабинета, жестом указал на свободные стулья. — Конкурс проводили мы, но, к сожалению, вы немного опоздали. Отбор закончен.

— Ну вот, что я вам, оболтусам, говорил? А вы: поехали да поехали! Только деньги зря прокатал и день потерял.

— А вы откуда добирались? — поинтересовался Станислав.

— Из Сосновки, — дуэтом ответили братья.

— Им-то всё равно ехать нужно было — учатся здесь в институте. А я зачем припёрся? Только день потратил, — вновь пожалел мужчина.

— А гармонь ваша где? На чём играть собирались? — спросил Радий Степанович.

— Гармонь? Гармонь пала на поле битвы. Семейной... Вот видите, — обратился он к сыновьям, — и гармошки здесь нет.

— С инструментом вопрос мы решим, — сказал Радий, забыв что «отбор закончен». — Если студия не занята... Идёмте.

— Вот видишь, всё хорошо, а ты боялся, — подбодрил отца один из сыновей. — Не робей, батя! Пока. Нам на занятия не опоздать бы.

Студия оказалась свободна.

Радий взял стоявшую в углу на полу гармонь:

— Это один из конкурсантов временно оставил. На чужой сыграть сможете? Кстати, давайте познакомимся. Меня зовут Радием Степановичем, это — Станислав Матвеевич. А вас как?

— Иван. Иван Берёзин. Если люди на ней играют, то почему я не смогу? Что играть?

— А что можете?

— Полонез Огинского, «Танец маленьких лебедей», «Танец с саблями», «Чардаш», «Мурку». Много чего могу.

— Играйте, что самому нравится, — Радий Степанович сел за пульт.

Через пять минут мелодии то легко и нежно гладили потолок студии, то морскими волнами бились о сте-

ны, то бисером рассыпались по полу. Через двадцать в студии, несмотря на строгую табличку «Тихо! Идёт запись!», горевшую на двери, собрался почти весь коллектив радиокомитета.

А Иван всё играл...

Прошла весна, прошёл праздник Святой Троицы, который (как бы случайно) совпал с финалом конкурса гармонистов. Победителем слушатели радио почти единогласно назвали Ивана Берёзина из Сосновки.

По радио на всю область объявили победителя и пообещали вручить ему новую гармонь. Но обещать легче, чем выполнить. Не так просто в наше время найти эту самую «новую гармонь». Ни в областном, ни в ближних районных центрах её не было.

Всем корреспондентам радио дана команда: если кто-то где-то увидит инструмент, покупать немедленно. Расходы комитет возместит с процентами.

В начале осени гармонь купили!

Вручать приз победителю поехали Станислав и Радий.

На станции Сосновка им указали улицу Полевую.

— А там, как увидите самую большую рябину — она сейчас издалека видна — там и дом Ивана Берёзина.

Нашли рябину, нашли дом. Постучались. Открыла высокая, плотная — о каких говорят «широкая в кости» — женщина с голубыми глазами. Из-под косынки выбивалась прядь искристых огненных волос. Одета в байковый домашний халат, поверх накинута спортивная куртка.

— Здравствуйте, — в один голос поздоровались гости. — Иван Васильевич Берёзин здесь живёт? Дома он?

— Там сидит, — махнула женщина рукой на дверь в дом и отправилась по своим делам внутрь двора.

— А мы тут вот... — слова повисли в воздухе, не долетев даже до спины уходящей.

На такой приём расчёта не было. Минуту постояли, помялись с ноги на ногу, переглянулись и робко постучали в дверь.

— Не заперто, — слышалось из дома.

Вошли. На низенькой скамейке, с каких обычно доят коров, посреди комнаты спиной к двери, в синей майке и спортивных брюках, в клубах папиросного дыма сидел Иван Берёзин.

— Здравствуйте, Иван Васильевич, — поздоровался Радий.

— Здравствуйте, — повторил Станислав.

— Привет, привет, — не оборачиваясь, проговорил Иван.

— Мы вам приз привезли. Правда, немного с опозданием, но всё равно...

— А, это вы? — вяло, как бы не удивляясь, процедил сквозь зубы хозяин дома. Он повернулся к вошедшим, и они увидели колоритный синяк, украшавший лицо гармониста. Чуть выше лба на затылке красовалась объёмная шишка. — Что вы привезли? — встал и протянул руку для приветствия.

— Как и обещали — гармонь. Саратовская, — передал подарок Радий.

— Ну-ну, посмотрим, — Иван взял гармонь, отстегнул ремешок, сдерживавший меха, привычным движе-

нием вскинул инструмент к груди. Пробежал пальцами по кнопкам голосов и басов, потом резко взял несколько аккордов, окончательно выгнал тишину из дома. — Туговата, но ничего, разработаем. А у нас тут бои местного значения. Видите, — он указал пальцем на синяк под глазом.

— Что случилось? — участливо спросил Станислав.

— А-а, — махнул рукой Иван. — Вы присаживайтесь. Я сейчас, — и скрылся за дверью во вторую половину дома.

Вернулся, переодевшись в цветную рубаху, чёрные брюки и светло-коричневые туфли. Опять взял гармонь, сел на табурет и под тихие переборы стал повествовать:

— Был я в санатории. Двадцать четыре дня там провёл. Поправлял здоровье. Позавчера вернулся, а тут моя фурия с допросом, обидами да кулаками: «Рассказывай, с кем связался? Чем она лучше меня? Решил семью оставить? Скатертью дорога — задерживать не будем. И как детям в глаза теперь смотреть будешь? Кобелина!» И всё такое прочее. В общем, полный концерт с музыкальным сопровождением. И не только с музыкальным, — он выразительно потрогал шишку на голове. — Понимаете, какая-то сволочь наплела ей, что я там закрутил шуры-муры с массовой, то есть с ответственной за культурно-массовую работу в санатории. И даже имя передали — Лариса. Но было бы не обидно, если бы что-то было на самом деле, а то... Поклёп это. Настоящий поклёп! Ничего не было! Да, просила она меня по вечерам играть на баяне, аккомпанировал желающим спеть. И всё! Но никаких любовей, никаких романов! Попробуй теперь докажи моей, что и как было на самом деле. Эх... Пойдём во двор. Жарко и душно здесь. Душа простора просит.

— Иван Василич, мы привезли кое-что, обмыть ваш приз, — Станислав похлопал по сумке.

— Подождите, ребята, не всё сразу. Не до этого сейчас. Кровь кипит, а сердце стынет. Стратегией это не предусматривается.

Через веранду вышли на мощённый досками двор, который от улицы отделяли высокие ворота. Сели на скамейку напротив больших, ростом достигавших высоты ворот, георгинов. Господи, каких цветов и оттенков были эти растения! От нежно-белых до розовых, красных, тёмно-фиолетовых и даже чёрных.

Над этим цветочным буйством прощальным золотом горели листья трёх берёз.

— А сейчас я вам сыграю страдания. Гармонь саратовская, значит, и страдания будут саратовскими, — Иван удобней устроился на скамейке.

Часа два плакала-рыдала гармошка над осенью. Два часа рвала души и сердца страданием: Её плач разносился женскими причитаниями над деревней. Раненой птицей билась музыка о заплоты, падала на крыши и путалась в электрических проводах. Тонкие детские голоса взлетали к небесам, а потом глушились низкими всхлипами басов. Казалось, от этой боли и безысходности опадут листья с деревьев, увянут цветы георгинов. И солнечные лучи уже не так щедро дарили тепло, как это делали до.

За это время по веранде несколько раз проходила хозяйка. Её халат мелькал то на хозяйственной части двора, то в дверном проёме дома. Потом она появилась переодетой в хороший брючный костюм, при макияже и сказала:

– Что скучаете во дворе? Идёмте чай пить. Я стол накрыла.

– Нет, в дом не пойду, – отрезал Иван, перестав играть.

– Тогда давай стол сюда перенесём, – предложила она.

– Это дело. Сейчас организуем.

Когда стол со всеми закусками перекочевал во двор, Иван Васильевич сказал:

– Теперь, ребята, доставайте, что привезли по случаю моей победы на радио.

Сели за стол.

– Первый гост предлагаю за знакомство, – поднял рюмку Иван.

– Ой, а я и не знаю: кого как зовут. Меня – Галиной Григорьевной.

Представились и Станислав с Радием.

– А теперь за приз!

Потом были тосты за победу, за русскую гармошку и песню, за детей и за любовь. После пели песни и частушки. Великое множество их знал Иван. И приличных, и не очень. А у Галины Григорьевны оказался великолепный голос.

Уходили радиокомитетчики на станцию, сопровождаемые «Прощанием славянки». Оглядываясь, они видели большую красную рябину, под которой на лавочке сидел гармонист, а рядом стояла и обнимала его жена.

Ярослав ТУРОВ

студент 1 курса факультета международной журналистики МГИМО

Рассказ

НАГРАДА

Едва над сопкой забрезжил первый луч солнца, Валентина Сергеевна открыла глаза. На часах было пять утра. И хотя торопиться было некуда, женщина встала, попробовала распрямить одеревеневшую спину и крадущимся шагом, чуть склонившись к полу, побрела в ванную. Она привыкла вставать рано – сказывались долгие годы работы в школе. Ещё давно, когда колбасу делали из настоящего мяса, а молоко добывали из коровы и только из неё, Любимова радовалась, что начинает жить и трудиться раньше других. Она вставала со скрипящей металлической койки, делала утреннюю гимнастику и садилась проверять школьные тетради. Со временем чувство здорового энтузиазма сменилось материнской заботой о ближних, и, проснувшись, Валентина Сергеевна старалась засветло сделать всю работу по дому, чтобы ни муж, ни дети ничем не утруждали себя. Муж почил вечным сном давным-давно, сын Александр в последний раз звонил около полугода назад, работы по дому, кроме лёгкой уборки, не было никакой, а уж когда Валентина Сергеевна в последний раз проверяла чьи-то тетради, она и сама забыла. Но привычка вставать засветло сохранилась.

В крохотной ванной ноздри щекотал ершистый запах хозяйственного мыла и чуть-чуть ласкал сладкий – из флакончика с духами «Эвридика». Их подарила дочь ещё два года назад, когда привозила внуков. То-то радости было! Детки бегали, визжали, вазу разбили, шалуны... Духи давно кончились, а флакончик остался – как напоминание о счастливых днях.

Воды в кране снова не было, как и света в лампочках. Вздохнув, Валентина Сергеевна на ощупь, уверенно ориентируясь в крошечной темноте ванной, достала из шкафчика бутылочку из-под минералки с заранее заготовленной водой, наполнила ею приколоченный рядом с краном умывальник, под которым предусмотрительно был поставлен небольшой тазик – чтобы вода в раковину не утекала – и принялась умываться. Тёпленькая стоялая водичка из бутылки смыла с лица остатки сна, и Валентина Сергеевна почувствовала себя пятидесятилетней.

Воду, скопившуюся в тазике, она аккуратно собрала тряпочкой и по пути в спальню протёрла пыль на полках в прихожей и гостиной. Любовно оглядев стройные ряды томов, среди которых были труды Корчака и Сухомлинского, женщина прошла в спальню.